

Ольга Маханькова

*Отдел
баланса*

Ольга Маханькова

Отдел баланса

<https://litres.ru/74692879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анджелика Мосс три месяца не могла найти работу — и однажды нашла объявление, которого не должно было существовать. «Компания Баланс и Форма ищет координатора баланса. Офис без публичного адреса. Если вы видите это объявление — значит, система уже вас заметила».

За дверью со двора на Тенистой, 12 её ждёт работа, которой нет ни в одном справочнике: замечать несоответствия и не отводить взгляд. Лифт, который ездит на этаж, которого нет на схеме. Принтер, печатающий то, о чём никто не просил. Иней на окне, который складывается в строки. Система разговаривает — и она знает Анджелику по имени, по номеру и по дате, которой та ещё не знает.

Чем глубже Анджелика вглядывается в безупречный офис, тем яснее видит: здесь кто-то давно подписал за всех условия, о которых никто не читал мелкий шрифт.

Городская фантастика о бюрократии, которая стала живой, о подписях, которые не переписываются, и о праве сказать «нет» вслух — при свидетелях, до того, как принесут лист.

Ольга Маханькова

Отдел баланса

ОТДЕЛ БАЛАНСА

Глава первая. Красный круг

Три месяца. Три месяца я таскала распечатки резюме туда, где их даже не успевали прочитать. Три месяца училась произносить «спасибо за обратную связь» так, словно это не нож по рёбрам. Я репетировала эту фразу перед зеркалом, пока она не перестала царапать горло. Вежливо. Спокойно. Без дрожи в голосе. Словно меня не выставляют за порог, а ставят галочку в графе «рассмотрено».

Я сидела на холодной лавочке у остановки, и пальцы уже не мёрзли — они просто перестали чувствовать холод. В сумке лежали те самые листы: ровные, аккуратные, набранные красивым шрифтом, который должен был сказать, что я серьёзная, взрослая, готовая. На деле это была просто бумага, которую мне вежливо возвращали. «Нужен опыт», «штат закрыт», «мы перезвоним». И ни одного звонка.

Ветер гнал по асфальту скомканный чек, пустую обёртку, прошлогодний автобусный билет. Город наглядно показывал мне, как легко всё становится мусором. Я смотрела на этот мусор и думала: скоро и мои резюме будут валяться где-то в таком же состоянии — смятые, забытые, никому не нужны.

Телефон пискнул. Смотреть не хотелось, но рука сама по-

тянулась. Очередное письмо: «Благодарим за проявленный интерес...» Дальше можно не читать. Я закрыла почту, сунула телефон в карман и уткнулась лбом в колени. Хотелось исчезнуть на пять минут. Или на всю ночь.

Рядом тяжело опустился пожилой мужчина в поношенном пальто. Ткань на локтях была заштопана, но нитки отличались оттенком — будто кто-то очень старался и не сумел попасть в тон. Он положил рядом стопку газет, вздохнул так, будто весь город висел у него на плечах, и, не глядя на меня, протянул верхнюю.

— Бери, если надо. Всё равно выкидывать.

Я хотела отказаться: кому сейчас нужны газеты? Но пальцы сами схватили лист. И замерла.

Одно объявление было обведено красным. Линия шла неровно, будто кто-то торопился — боялся, что её сотрут.

«Компания „Баланс и Форма“ ищет координатора баланса. Офис без публичного адреса. Собеседование — сегодня. Опыт не требуется. Важнее — умение замечать несоответствия и не отводить взгляд. Контактное лицо: Ричард Вейн, руководитель отдела калибровки»

Ниже — номер телефона. А ещё ниже, мелким шрифтом: «Если вы видите это объявление — значит, система уже вас заметила».

Я моргнула, рассчитывая, что строчка исчезнет. Она не исчезла.

— Странное объявление, — пробормотала я, скорее себе,

чем ему.

Мужчина наконец посмотрел на меня. Взгляд у него был усталый, но внимательный — он видел не девушку, которая вот-вот расплачется, а ту, что всё-таки встанет и пойдёт дальше.

— Да, — спокойно сказал он. — Странное. Но если ты его заметила — значит, оно для тебя.

Он поднялся, подхватил оставшиеся газеты и пошёл прочь. А я осталась сидеть, сжимая газету, как единственную вещь, которая сегодня не сказала мне «нет».

Номер я набрала, не успев подумать. Пальцы сами нашли цифры, а голос прозвучал чужим — слишком тихим, слишком осторожным.

— Отдел калибровки, — ответил голос. Без «алло», без приветствия.

— Я... по объявлению. Про координатора. В «Баланс и Форма».

Тишина — такая, от которой хочется сбросить вызов и сделать вид, что ничего не было.

— Вы где сейчас?

— На остановке «Лесная».

— Через пятнадцать минут зайдите в кофейню напротив. Вас будет ждать Ричард Вейн.

Трубку повесили.

Пятнадцать минут я шла по мокрому тротуару, и каждый шаг отдавался внутри одним и тем же: «только не передумай,

только не передумай». По дороге мелькнул ларёк с выпечкой — я точно помнила, что он остался позади, но вот он снова, будто улица сложилась петлёй и вернула меня на шаг назад. Я остановилась, всмотрелась в вывеску: та же надпись, тот же скол на букве «П». Тряхнула головой: тень легла криво, глаза устали. Пошла дальше.

Перед кофейней я вдруг остановилась — сама не знаю зачем — и подняла голову к небу. Оно было привычно серым, таким, что казалось: город накрыли плотным одеялом, сквозь которое не пробьётся ни один луч. Но у самого края крыши пелена чуть разошлась, и сквозь неё проглянула тонкая полоса бледно-голубого, почти робкого цвета. Как будто небо решило подсказать: не всё потеряно.

Я смотрела на эту полоску и впервые за три месяца не хотела зажмуриться, лишь бы не видеть серости. Хотела просто запомнить: всё серое, но где-то там есть просвет. И этого было достаточно.

В кофейне пахло ванилью и корицей — слишком сладко, слишком обычно. Этот запах уговаривал меня, что всё в порядке: я просто пришла выпить кофе, а не стою на пороге чего-то, что может перевернуть жизнь. За дальним столиком сидел мужчина в тёмно-сером костюме. Он не улыбался и не хмурился — просто кивнул на стул напротив.

— Садитесь.

Я села. Ладони были ледяными; я спрятала их под стол, чтобы он не заметил дрожи. На скатерти виднелась малень-

кая дырочка — как будто кто-то воткнул булавку и вытащил. Я уставилась на неё, как на точку опоры.

— Анджелика.

— Да.

— У вас свежий диплом. Опыта нет. Почему мы должны вас взять?

В этот момент можно было сыпать стандартным набором: «быстро учусь», «ответственная», «пунктуальная». Но слова вдруг показались пустыми. И я сказала правду.

— Потому что я не сдаюсь. Хожу, звоню, пишу — даже когда мне говорят «нет». Я не умею бросать на полпути. И ещё... я замечаю мелочи. Иногда они меня пугают, но я всё равно смотрю. Не отвожу взгляд.

Ричард молча посмотрел на меня — так, будто взвешивал не слова, а меня целиком. Потом достал из папки лист. Пустой. Только тонкая серая линия шла по диагонали.

— Посмотрите на линию. Что вы видите?

Я вгляделась. Она была ровной, но не идеально: в середине темнее, будто рука дрогнула. И изгиб — лёгкий, едва заметный.

— Она... не везде одинаковая, — сказала я. — В середине толще. И слегка изогнута. Как будто кто-то старался, но не смог.

Ричард кивнул.

— Большинство видит просто линию. Вы увидели, где она споткнулась. Для нашей работы этого достаточно.

Сердце стукнуло где-то в горле.

— Значит... я принята?

— Со следующей недели. Должность — координатор отдела калибровки. Адрес: ул. Тенистая, 12, вход со двора. С задачами разберётесь на месте. Главное правило: если видите несоответствие — не пытайтесь его «починить». Просто фиксируйте. Записывайте. Система должна знать, что вы её замечаете.

Он помедлил, будто хотел добавить что-то ещё, и наконец произнёс:

— И ещё одно. Любопытство здесь — не преимущество. Не пытайтесь понять, почему это происходит. Пока вы просто наблюдатель. Попытки разобраться раньше времени могут сделать вас... заметной не для тех, кому нужно.

По спине пробежал холодок, но я кивнула: слова звучали как инструкция, а в инструкциях есть границы, и границы дают опору. Ричард протянул карточку.

«Баланс и Форма»

Координатор отдела калибровки.

Адрес: ул. Тенистая, 12 (вход со двора).

Контакт: Ричард Вейн.

Внизу мелким курсивом: «Не ищите нас на картах. Мы там не отмечены».

Когда он ушёл, я ещё долго сидела над пустой чашкой, сжимая карточку. И вдруг поняла: мне не страшно. Впервые за три месяца мне не хотелось плакать. Хотелось дышать.

Домой я почти бежала — не потому что спешила, а потому что ноги сами несли и боялись, что если остановлюсь, это «да» рассыплется. По дороге я чуть не столкнулась с женщиной, которая вела за руку маленькую девочку. Девочка держала воздушный шарик, и он то и дело дёргался вверх, словно хотел улететь, но она крепко сжимала нитку. Я улыбнулась им — и вдруг почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло: у меня тоже есть своя нитка. Пока я её не отпускаю, шарик не улетит.

Мама стояла у плиты, помешивала суп. Когда я ворвалась, она обернулась — и на секунду в её глазах мелькнуло привычное «опять с пустым взглядом». А потом она увидела моё лицо.

— Что? — спросила она, вытирая руки о полотенце. — Что-то случилось?

— Меня взяли, — выдохнула я. — Взяли. На работу. В «Баланс и Форма». Координатором.

На мгновение она замерла. А потом её лицо расплылось в такой широкой, настоящей улыбке, что у меня внутри снова что-то щёлкнуло и стало тепло.

— Взяли? — повторила она, будто проверяя, не ослышалась ли. — Без опыта.

— Без опыта. Сказали, что я умею замечать мелочи и не

отвожу взгляд. — Впервые за долгое время это не звучало как оправдание.

Мама подошла и обняла меня крепко, так, что стало слышно, как бьётся её сердце.

— Ну наконец-то, — прошептала она. — Наконец-то кто-то тебя увидел.

Мы сели за стол, пили чай, и мама всё время поглядывала на карточку рядом с сахарницей — будто боялась, что та исчезнет. Сахарница была старая, с облупившейся эмалью: с ней столько чашек чая выпито, столько разговоров пересижено. На ободке знакомая трещинка, которую мама то и дело заклеивала, а она снова проступала. «Это не трещина, — говорила мама. — Это карта моих любимых мест».

Потом она порылась в ящике и протянула мне ручку — чёрную, с тонкой гравировкой на корпусе: «С первым большим шагом».

— Ты брала её на все собеседования, — улыбнулась мама. — Пусть теперь она ходит с тобой на настоящую работу.

Я провела пальцем по гравировке. Ручка пахла домом и бумагой, и на мгновение мир снова стал простым: кухня, тёплый свет, мама — и ручка с историей, пусть даже самой обычной.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Теперь ты там будешь самой лучшей, — уверенно сказала мама. — Я знаю.

Вечером я достала из шкафа пиджак — тот самый, слег-

ка великоватый, купленный на последние деньги. Погладила лацкан, словно извиняясь за то, что он так долго висел без дела. В карман легла мамина ручка — ровно, удобно, будто созданная именно для этого кармана.

Ночью я долго не могла уснуть. Смотрела на тени от уличного фонаря, которые медленно ползли по стене, будто пытались что-то написать. В голове крутились слова Ричарда: «Не пытайтесь понять, почему это происходит». Я кивала, соглашалась — а внутри уже шевелилось любопытство, тихое и осторожное, как котёнок, который боится, что его прогонят.

Я уснула, и мне впервые за долгое время снилось утро, с которого что-то начинается: двор за Тенистой, 12 — и моя рука на двери.

Глава вторая. Свежий взгляд

Неделя между собеседованием и этим утром растянулась в вечность. Я семь раз перечитывала карточку с адресом, трижды меняла решение — идти или передумать, — и каждый вечер засыпала со словами Ричарда в голове. А потом понедельник всё-таки пришёл.

Я застегнула последнюю пуговицу и посмотрела на себя в зеркало. Пиджак был великоват — я купила его ещё до первого собеседования, из простой веры: будет «тот самый» пиджак — и всё получится. Теперь он казался мне доспехом. Тонким, но хоть каким-то.

— Ты справишься, — мама стояла в дверях и улыбалась

так, будто знала что-то, чего не знала я.

Я кивнула, хотя внутри всё дрожало. Прошлась по списку: паспорт, блокнот, запасная ручка — вторая, на случай, если первую потеряю. Потом ещё раз. И ещё. И отдельно, уже без списка, — боковой карман пиджака: пальцы нашли гладкую чёрную поверхность и тонкую гравировку. Мамина ручка на месте. Я тронула её сквозь ткань — просто чтобы убедиться.

Мама тихонько напевала что-то себе под нос, и от этого становилось спокойнее: если дома всё как всегда, значит, и день будет нормальным.

Перед выходом я задержалась у зеркала ещё раз. Лицо бледнее обычного, глаза — слишком внимательные, как у человека, который уже сканирует мир на несоответствия. «Просто наблюдай. Не пытайся понять», — шепнула я слова Ричарда. Сегодня они звучали не запретом, а бронёй. Поправила волосы и вышла из дома.

Автобус опоздал на семь минут — ровно столько, сколько у меня было в запасе. Я стояла на остановке, кусала губу и смотрела на светофор через дорогу: зелёный тянулся бесконечно, потом щёлкнул на жёлтый, потом на красный. И в этот момент я поняла: если буду ждать, опоздаю.

Я сорвалась с места и побежала — автобус догонит меня позже, если догонит. Ветер бил в лицо, каблук стучали по асфальту, где-то сзади коротко сигналит машина. Я уже была на другой стороне, задыхалась, сердце колотилось в горле, а на губах — дурацкая улыбка: я успею.

Улица Тенистая встретила меня другой, не такой, как остальные. Дома здесь стояли плотнее, окна были темнее, а воздух — гуще: улица хранила больше секретов, чем обычный городской квартал. Я нашла вход со двора — неприметную дверь, высокую, почти сросшуюся со стеной. Остановилась, глубоко вдохнула и вошла.

У турникета меня встречала администратор — женщина лет пятидесяти с аккуратной причёской и улыбкой, которая заранее извинялась за все возможные неудобства.

— Анджелика? — уточнила она, сверяясь с планшетом. — Добро пожаловать. Сейчас оформим пропуск и сразу к рабочему месту.

— Спасибо, — выдохнула я, стараясь звучать спокойно.

Она быстро провела меня через оформление, вручила бейдж и поправила его на пиджаке — неспешно, как ритуал посвящения.

— Держи ровно, — сказала она с улыбкой. — Так сразу видно, что человек свой. Ну, почти свой.

Офис пах кофе и чем-то стерильным — здесь, похоже, специально вычищали все человеческие запахи. Я шла за администратором, кивала, когда она что-то говорила, но половину не слышала: слишком громко стучало сердце. Моё место — в большом зале, столы ровными рядами, как клетки. Я села, включила компьютер, открыла почту. Всё как в демоверсии: папки, ярлыки, окно с приветствием. Я старалась выглядеть так, будто сижу здесь сто лет, а не пять минут.

Вдруг на край соседнего стола плюхнулся кто-то ещё.

— Привет, я Ник, — парень улыбался, в руке у него была чашка с надписью «Я не злой, я просто в дедлайне». — Новенькая? Не пугайся, тут все нормальные, просто делают вид, что очень заняты. Особенно по понедельникам.

Я выдохнула и улыбнулась в ответ:

— Привет. Анжелика. И я пытаюсь не нажать случайно что-нибудь, что обрушит весь сервер.

Ник хмыкнул:

— Главное — не трогай кнопку «Синхронизация». Никто не знает, что она делает, но раз в месяц кто-то её нажимает, и потом три дня все бегают с выпученными глазами.

Мы посмеялись, и стало легче. Он показал, где кухня, где прячут лучший шоколад («только никому не говори, это стратегический запас»), рассказал пару историй про совещания, которые длились так долго, что люди начинали засыпать стоя.

— А это Сара, — кивнул он вдруг в сторону соседнего ряда. К нам подошла невысокая девушка с короткой стрижкой и папкой, прижатой к груди, как щит. — Сара, это Анжелика, наша новенькая.

Сара улыбнулась — не дежурно, а по-настоящему, и у неё сразу потеплел взгляд.

— О, наконец-то кто-то, с кем можно вместе бояться начальника, — пошутила она, и я невольно рассмеялась. — Если что, я сижу вон там, у окна, и всегда готова объяснить,

где какой отчёт лежит. Я сама первые две недели открывала один и тот же файл по пять раз в день, думая, что это новый.

— Спасибо, — сказала я, и в груди стало тише. — Честно, даже просто знать, что кто-то тут тоже путался, уже помогает.

— Это офис, — пожала плечами Сара. — Тут все путаются. Просто некоторые делают это с очень серьёзным лицом.

— И вот ещё, — Ник снова понизил голос, как будто делился самым важным секретом, — если увидишь Ричарда в коридоре, не паникуй. Он выглядит сурово, но на самом деле просто не умеет улыбаться. Или не хочет. Никто не знает.

— Да, я это уже поняла после нашего с ним собеседования.

Потом мы пошли к кулеру. Я взяла пластиковый стаканчик, и Ник вдруг повернул голову к коридору и тихо сказал:

— А этих двоих лучше вообще не замечать. И не спорить с ними. Даже мысленно.

Я проследила за его взглядом. По коридору шли двое, и все вокруг сами собой прижимались к стенам, уступая дорогу.

— Чак и Фрэнк, — шепнул Ник. — Вышестоящее руководство.

— Да ладно, — улыбнулась я. — Они же просто руководители.

— Да-да. А ещё они любят, чтобы баланс не нарушался. Услышь это слово — сразу делай вид, что ты тут ни при чём.

Я не придавала этому значения. А позже, пока бегала между кабинетами с папками, услышала их снова. Они шли быстро, не глядя по сторонам, и голос Чака звучал так, будто каждое слово весило тонну:

— Если подпишешь сейчас, будет проще потом.

— Проще для кого? — сухо уточнил Фрэнк.

— Для всех, кто не хочет, чтобы баланс нарушился.

Я решила, что речь о внутреннем регламенте, о перераспределении бюджета или о странных КРІ. Я даже не понимала пока, что скрывается за моей новой должностью, — и старалась не лезть туда, куда не звали. Хотя звучало всё это достаточно странно.

День шёл быстрее. Я разбирала папки, открывала файлы, пыталась запомнить, где что лежит. Пару раз кто-то подходил, кивал, говорил «привет», и я отвечала, стараясь звучать уверенно. В какой-то момент я поймала себя на том, что не считаю минуты до конца рабочего дня. Впервые за долгое время мне не хотелось сбежать. А потом телефон на столе тихо звякнул.

«Ричард хочет с тобой поговорить. Прямо сейчас. В кабинете».

Внутри снова сжалось. Я посмотрела на часы: 18:48. Все уже собирались уходить: кто-то выключал мониторы, кто-то застёгивал куртки. Я встала, поправила пиджак, глубоко вдохнула и пошла по коридору, чувствуя, как с каждым шагом пол становится менее твёрдым.

Кабинет Ричарда был большим, но не вычурным. Он сидел за столом и смотрел на меня внимательно — без улыбки, но и без злости.

— Присаживайся, Анджелика, — голос у него был спокойный, почти мягкий. — Хочу сказать сразу: мне нравится, как ты сегодня держалась. Спокойно, без суеты, но при этом не терялась.

Я села, стараясь не теребить край пиджака.

— Спасибо, — сказала я, и голос почти не дрожал. — Я очень рада быть здесь.

— У меня есть предложение. Повышение. Перевод в отдел стратегического планирования. С первого дня, — он наклонился вперёд и оперся локтями о стол.

— Простите... что? — я на секунду замерла от неожиданности.

— Ты подходишь по профилю, — спокойно сказал он. — А у нас как раз срочный проект. Нужен свежий взгляд. Но при этом человек, который умеет держать язык за зубами.

— Но я... я даже толком не начала работать, — пробормотала я. — Я мало что понимаю о новой должности...

Ричард собрался что-то добавить, но в этот момент дверь распахнулась. В кабинет вошли двое — и воздух сразу стал гуще, тяжелее.

Первым шагал Чак: коренастый, плотный, собранный из одних углов и тяжёлых линий. Пиджак сидел на нём, как броня, — натянутая на плечах, тесная; тесен был и кабинет, и

всё здание, и сама идея сидеть и разговаривать. Он не смотрел по сторонам — он занимал пространство. Кивнул Ричарду коротко, без приветствия, и уселся в кресло, не спрашивая разрешения: по праву хозяина.

За ним вошёл Фрэнк — высокий, худой, с лицом, будто вырезанным из камня: острые скулы, прямой нос, неподвижные черты, от которых он казался почти неживым. Взгляд у него был такой, которым можно резать, — быстрый, холодный, скользящий. Он едва заметно провёл им по мне и хмыкнул:

— Новенькая?

Я вжалась в спинку кресла, пытаюсь стать меньше. И тут же вспомнила утренние слова Ника: «С ними не спорят. Даже мысленно».

Ричард напрягся — спина прямая, как струна, пальцы сжались на краю стола. Он смотрел на них так, будто пытался удержать равновесие на краю обрыва.

— Никто не предупреждал о встрече, — сказал он холодно, и в этом голосе не было ни капли гостеприимства.

— А мы не любим предупреждать, — Чак откинулся в кресле, как человек, который уже выиграл этот раунд. — Время — деньги. Давай по контракту.

Я хотела встать и сказать, что мне лучше уйти, но Ричард едва заметно качнул головой.

— Останься, — коротко бросил он. — И пока не выходи из кабинета. Все уже разошлись, одной по коридорам ходить

небезопасно.

Я снова села. В груди разрасталось странное, колющее беспокойство. Мне вдруг стало холодно — как будто кто-то открыл невидимую дверь в стене и пустил сюда воздух из другого, чужого мира.

Они говорили о контракте. Слова обычные — «сроки», «обязательства», «гарантии», — но тон скрывал что-то гораздо большее. Я старалась не смотреть на них, листала что-то в телефоне, но чувствовала на себе их взгляды — короткие, оценивающие: меня уже включили в условия этого договора, даже не спросив. А потом дверь открылась снова.

На этот раз вошёл человек, которого я не видела. Высокий, в чёрном пальто, будто только что с улицы. У него были пронзительные голубые глаза — такие, что казалось: они видят не только меня, но и всё, что прячется под кожей.

Он остановился на пороге, скользнул взглядом по комнате: Ричард, Чак, Фрэнк — и наконец встретился со мной глазами.

И в этот момент что-то внутри меня дрогнуло. Не страх, не узнавание — странное чувство, будто мир на секунду сдвинулся, и я увидела его изнаночную сторону. За белыми стенами офиса пряталось что-то огромное, холодное и очень внимательное. Его лицо почти не изменилось, но в глазах мелькнул интерес. Лёгкая полуулыбка. Того, кто нашёл то, что искал.

Чак резко встал.

— Эд! Ну наконец-то, — буркнул он. — Без тебя мы тут ничего не решим.

Эд прошёл к столу, не сводя с меня взгляда.

— Значит, это она, — тихо произнёс он, и голос у него был низкий, спокойный, но от него по спине бежали мурашки. — Интересно.

Фрэнк резко хлопнул ладонью по столу — звук такой, будто рушится невидимая стена.

— Хватит играть. У нас дедлайн, который не ждёт. Подписываем.

Ричард наконец подал голос — ровно, без эмоций, но в нём теперь звучала сталь:

— Контракт не готов. И я не подписываю ничего без юриста.

Чак усмехнулся, но усмешка вышла кривой — неприятно было признавать, что кто-то здесь ещё способен сказать «нет».

— Юрист будет через час. А мы не можем ждать. Ты сам знаешь: баланс уже начал колебаться.

Я вздрогнула от этого слова — «баланс». Оно снова прозвучало не как бухгалтерский термин, а как что-то живое, хрупкое, готовое треснуть. Вспомнила Сару: «Тут все путаются. Просто некоторые делают это с очень серьёзным лицом». Хотелось улыбнуться от этой мысли, удержаться за неё, как за поручень в трясущемся вагоне. Но улыбка не получилась.

Эд вдруг повернул голову ко мне — не резко, а так, словно что-то в воздухе изменилось.

— Ты ведь ничего не знаешь, верно? — спросил он спокойно, почти мягко. — Ни про отдел стратегического планирования. Ни про то, чем этот отдел занимается на самом деле.

Я хотела сказать «знаю», хотела выглядеть уверенной, но язык прилип к нёбу.

— Я... я только сегодня вышла, — выдавила я. — Мне сказали, что нужен свежий взгляд.

Эд прищурился, будто проверяя, правду ли я говорю.

— Свежий взгляд — это хорошо. Но свежий взгляд не должен быть слепым.

Ричард резко встал — стул с тихим скрипом отъехал назад.

— Достаточно, — сказал он твёрдо. — Анджелика здесь по моему решению. И пока она в моём отделе, она не участвует в ваших обсуждениях.

— А если она уже участвует? Просто не знает об этом? — фыркнул Чак.

В этот момент в кармане завибрировал телефон. Я вздрогнула, машинально потянулась к нему, но тут же остановилась: в такой тишине любое движение казалось слишком громким. На экране — сообщение от Сары:

«Если там всё слишком серьёзно, просто кивни, когда выйдешь. Я скажу, что у нас пожар в принтере. Это наши

универсальный код на экстренный случай».

Я едва сдержала смешок, который сейчас прозвучал бы как истерика. И одновременно стало легче: кто-то там, снаружи этой комнаты, помнил, что я живая. Что мне может быть страшно.

Эд заметил мой взгляд на телефоне. Приподнял бровь.

— Что-то важное?

— Нет, — ответила я, и голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Просто коллега. Проверяет, всё ли в порядке.

Он ещё секунду смотрел на меня — так, будто оценивал не слова, а то, как я их сказала.

— Коллега, значит.

Фрэнк снова нетерпеливо щёлкнул пальцами:

— Мы теряем время. Ричард, ты либо с нами, либо против нас. Третьего не бывает.

Ричард посмотрел на него долго, спокойно, взвешивая каждое слово.

— Я с компанией, — наконец произнёс он. — Но не с теми решениями, которые принимаются впопыхах и без учёта рисков.

Чак встал — тяжело, будто каждое движение давалось ему с усилием.

— Тогда мы найдём того, кто будет с нами. И, возможно, твоя новенькая подойдёт лучше, чем ты думаешь.

Эд медленно поднялся следом, но не отвёл от меня взгляда.

— Не торопись с выводами, Чак, — тихо сказал он. — Иногда самое ценное — то, что ещё не знает своих правил.

Они вышли: Чак и Фрэнк ушли первыми, Эд задержался на пороге, будто хотел что-то добавить, но только кивнул мне — и дверь закрылась.

Тишина обрушилась на кабинет резко, как выключенный звук. Я сидела, сжимая кулаки, и чувствовала, как под пиджаком остывает холод, который принёс с собой Эд.

Ричард медленно сел обратно, провёл ладонью по лицу, стирая напряжение. Потом посмотрел на меня — уже не как на сотрудницу, а как на человека, который только что стоял на краю и не упал.

— Прости, что втянул тебя в это, — сказал он тихо. — Я думал, что смогу оградить.

— Вы знали, что они придут? — спросила я. Голос всё ещё дрожал, но уже не так сильно.

— Подозревал, — признался он. — В последнее время баланс слишком шатается. А когда баланс шатается, такие люди приходят сами.

Я вспомнила слова Ника и теперь поняла, почему он сказал именно так.

— А что... что такое этот баланс? — спросила я осторожно.

Ричард нахмурился, будто сам не хотел произносить это вслух.

— Это... сложно объяснить за пять минут. Но если ко-

ротко — это равновесие между тем, что мы делаем, и тем, что из-за этого происходит. Иногда оно касается отчётов. А иногда — гораздо большего.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом город зажигал вечерние огни.

— Сейчас ты пойдёшь домой, — решил он. — Я провожу тебя до лифта. День и так был слишком длинным. Завтра поговорим.

Я кивнула, но не двинулась с места.

— А... а это всё-таки повышение? В стратегический отдел?

Ричард повернулся ко мне, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Завтра, — повторил он. — Сегодня ты просто доживи до дома.

Мы вышли в опустевший коридор. Свет в проходах был приглушён, лампы мигали, будто собирались погаснуть. Мы шли медленно, и я прислушивалась к каждому шороху. У лифта Ричард простился и вернулся к своему кабинету.

У выхода меня ждала Сара — прислонилась к стене, держала в руках два бумажных стаканчика.

— Кофе, — протянула один она. — На случай, если ноги трясутся. У меня после первого дня тряслись так, что я уронила три папки подряд.

Я взяла стаканчик. Пальцы всё ещё были холодными, но тепло от бумаги проникало внутрь.

— Спасибо, — шепнула я. — Ты не должна была меня ждать.

Сара пожала плечами, но улыбалась искренне, без пафоса.

— Тут все друг друга прикрывают. Ну, когда могут. Так что если завтра принтер снова устроит бунт — ты знаешь, к кому бежать.

Вечер уже накрыл город. Воздух был свежим, пах дождём, которого ещё не было. Я глубоко вдохнула — и поняла, что сегодняшний день очень странный. И при этом интересный.

— Знаешь, — сказала Сара, глядя вперёд, — тут бывает странно. Бывает, что начальник смотрит так, будто видит не тебя, а какую-то другую версию тебя. Бывает, что слова значат не то, что ты думаешь. Но главное — не позволяй этому забрать у тебя голос. Если что-то не нравится — скажи. Даже если кажется, что никто не услышит.

Я кивнула. И в этот раз кивок был не для того, чтобы скрыть дрожь. А чтобы запомнить.

Мы шли вдоль фасада здания, и тут из темноты, из-за поворота, бесшумно выехала чёрная машина — большая, тяжёлая, будто собранная из теней. Она остановилась прямо перед нами, и стекло со стороны водителя плавно опустилось. Я увидела Эда. Его лицо в полумраке казалось ещё более пронзительным, а голубые глаза отражали свет, которого вокруг почти не было.

— Анджелика, — произнёс он спокойно, без лишних слов. — Садись в машину.

Сара замерла рядом со мной, её рука сильнее сжала стаканчик. Я сама чувствовала, как воздух густеет перед грозой. Хотелось шагнуть назад, спрятаться за Сару, сказать «нет» — но слова не шли.

Эд не повышал голоса, не делал резких движений — и от этого его фраза звучала не как просьба, а как нечто, чему никто не решается возразить. Сара постояла ещё секунду, потом медленно опустила взгляд, признавая, что сейчас не ей решать.

Я сделала шаг к машине, открыла дверь и села на заднее сиденье. Оно было холодным, кожаным; пахло дорогой и чем-то терпким, почти металлическим. Эд не обернулся — просто смотрел вперёд, как человек, у которого всё идёт по плану.

— Твой адрес, — коротко спросил он, и в этом вопросе не было ни тепла, ни холода — только деловитость.

Я назвала адрес. Голос звучал тихо, но ровно.

— Хорошо, — кивнул он. — Сначала поговорим. Это недолго.

Машина плавно тронулась, и город за окном медленно скользил мимо — так, будто я смотрела на него сквозь стекло, которое постепенно затягивало туманом. Сара осталась позади — маленькая фигурка у стены офиса, всё ещё сжимающая свой стаканчик. Она не махала, не кричала вслед — только приподняла руку, как будто хотела что-то сказать, но не нашла слов.

— Не бойся, — вдруг произнёс Эд, не отрывая взгляда от дороги. — Иногда самое важное узнаётся не в кабинетах и не по бумагам. А в тишине между улиц.

Я обхватила себя руками и почувствовала, как пиджак вдруг стал слишком лёгким для этого вечера.

— О чём вы хотите поговорить? — спросила я, и в голосе уже не было дрожи — только настороженность, острая, как лезвие.

Эд повёл головой, прислушиваясь не к словам, а к тому, как они повисают в воздухе.

— О балансе, — спокойно ответил он. — О том, почему он шатается. И о том, почему именно ты оказались в этом офисе именно сегодня.

Я не ответила — не потому что не хотела, а потому что не знала слов. В зеркале заднего вида мелькнул его взгляд — спокойный, терпеливый: времени у него в запасе было на весь этот вечер и, кажется, на все следующие. Город темнел, фонари вспыхивали один за другим, и мне вдруг показалось, что каждый — как маяк, который светит не наружу, а внутрь, в глубину чего-то огромного и холодного, что пряталось под привычными улицами.

Машина везла меня домой. Только домой я ехала не сразу.

Глава третья. Точка неопределённости

Утро началось с того, что будильник прозвенел на три минуты раньше. Не на пять, не на десять — ровно на три. Я дёрнулась, схватила телефон, уставилась на цифры: 07:57.

— Это ты так торопишься? — мама стояла в дверях, в халате, с чашкой чая.

— Нет, — буркнула я, натягивая свитер. — Это он сломался.

— Ага, — спокойно сказала она. — И кофе сам себя налил, и бутерброд сам себя намазал. Ты просто делаешь вид, что сегодня обычный день.

Я хотела возразить, но не стала. Она была права. Я хотела, чтобы день был обычным: прийти, сесть за стол, разобрать папки, чтобы Ник сказал какую-нибудь ерунду, и мы бы посмеялись, и всё стало бы как вчера.

Пока я ела бутерброд, пальцы дрожали, и кусочек помидора съезжал на тарелку. Я старалась есть аккуратно — как будто если делать всё правильно, день тоже пойдёт по правильному сценарию. Мама молчала, но время от времени поглядывала на меня — не с жалостью, а с тем упрямым спокойствием, которое всегда говорило: «Ты справишься, даже если сейчас в это не веришь».

Автобус ехал ровно, без опозданий. Светофор щёлкал вовремя. Даже очередь в кофейне была короткой. Мир старательно изображал спокойствие — как человек, который слишком широко улыбается, чтобы скрыть, что что-то прячет. Я сидела у окна и думала о вчерашнем «завтра поговорим». Завтра наступило, а вместе с ним — ни одного слова Ричарда. Только обещание, которое я несла с собой, как единственный билет, на который надеюсь.

В офисе пахло тем же: кофе, пластик, стерильность. Но сегодня в запахе было что-то резкое, металлическое — так пахнет озон перед грозой. Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался в груди сильнее, чем должен был: пол стал тоньше, и под ним что-то ждало.

Ричарда не было видно. Дверь его кабинета стояла закрытой, и «завтра поговорим» пока оставалось просто строчкой, которую он вчера произнёс.

Ник уже сидел на краю стола, как вчера, с той же чашкой. Только надпись поменялась: «Я не злой, я просто в дедлайне... и голоден». Он поднял глаза, увидел меня и расплылся в улыбке — слишком широкой, чтобы быть совсем настоящей.

— Ну что, выжила? — спросил он, и в его голосе было столько обычного, что у меня едва не подкосились колени от облегчения.

— Вроде да, — выдохнула я. — Если не считать, что меня чуть не завербовали в стратегический отдел в первый же день.

Ник не рассмеялся. Голова его перестала быть смешной деталью — он посмотрел на меня так, будто услышал не шутку, а сигнал тревоги.

— В стратегический? — переспросил он тихо. — А кто предложил?

— Ричард. Но потом пришли Чак и Фрэнк, и...

Я запнулась. Потому что поняла: не хочу рассказывать про

Эда. Не хочу, чтобы это имя прозвучало здесь, среди чашек и папок, и сделало всё настоящим.

— И что? — Ник смотрел на меня внимательно, без привычной иронии.

— И ничего, — я пожала плечами, стараясь звучать легко. — В общем, ничего не решилось. Наверное, я просто не подхожу.

Он хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— Тут не всегда решают, подходишь ты или нет. Иногда решают, что ты нужна. Даже если сама этого не хочешь.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но тут из-за угла вынырнула Сара с папкой под мышкой и улыбкой, от которой мир становился чуть менее страшным.

— О, ты пришла! — воскликнула она. — Я боялась, что после вчерашнего ты скажешь «да ну его» и уйдёшь печь пироги.

— Пироги я печь не умею, — улыбнулась я, и улыбка получилась настоящей. — Так что выбора не было.

Мы рассмеялись, и на секунду всё стало как вчера: обычный офис, обычные люди, обычные проблемы. Сара сунула мне в руку маленький шоколадный батончик.

— Держи. Это наш стратегический запас. Но сегодня я готова пожертвовать одну единицу ради морального духа.

Я взяла шоколад, и от этой простой заботы внутри что-то отпустило. Сара не стала спрашивать, почему вчера я уехала с Эдом. Наверное, поняла по моему виду: я всё равно не

смогла бы ничего объяснить.

А потом я подошла к лифту и нажала кнопку вызова.

Двери открылись почти сразу — как будто ждали меня. Я вошла. И только тогда поняла, что лифт ни о чём не спрашивал.

Он поехал. Не туда.

Сначала я решила, что ошиблась. Потом — что сломалась панель. Но цифры на табло менялись уверенно, будто лифт точно знал, куда едет. Только это был не мой этаж.

На табло загорелось «В».

Я никогда не видела такого этажа. Ни в списке кнопок, ни на схеме в холле. Но лифт ехал туда, как в самое обычное место.

Двери открылись.

Коридор был похож на наш, но не такой. Свет тусклее, лампы мерцали, как будто электричество здесь шло с перебоями. Тени были длиннее и плотнее — не отсутствие света, а что-то самостоятельное, живущее по своим правилам. Воздух стоял густой, и дышать было труднее.

А в конце коридора, у двери без номера, стоял Эд.

Он не смотрел на меня — смотрел на свои часы, будто сверял время с чем-то, чего я не могла услышать. Потом поднял глаза и коротко кивнул: не удивился, а просто отметил факт.

— Ты рано, — сказал он спокойно. — Или поздно. Это зависит от того, с какой стороны смотреть.

Я стояла в дверях лифта, и ноги приросли к полу.

— Я... я не нажимала этот этаж, — прошептала я.

Эд улыбнулся — но в этой улыбке не было тепла.

— Иногда лифт сам выбирает, кого куда везти. Особенно если баланс требует встречи.

Двери начали закрываться. Я рванулась вперёд, выскочила в коридор — и лифт тут же уехал, будто его и не было.

Тишина здесь была не пустой, а тяжёлой, давящей.

— Что это за место? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Этаж В, — ответил Эд. — Граница. Здесь не работают обычные правила.

— Почему я здесь?

Он сделал шаг ко мне, и его тень легла на пол — тяжелее, чем положено тени.

— Потому что ты уже часть системы, Анджелика. Даже если ты этого не хотела. И система начинает тебя... калибровать.

Слово «калибровать» прозвучало как строчка из технического отчёта, но по спине пробежал холод.

— Калибровать? — повторила я. — Как прибор?

— Как точку опоры, — поправил он. — Ты можешь стать той, кто удерживает баланс. Или той, кто его ломает. Пока ты — неопределённость. А неопределённость для баланса — это риск.

Я сжала кулаки и почувствовала, как под тонкой тканью пиджака натягиваются швы. Пальцы нащупали верхнюю пу-

говицу — ту самую, которую я застёгивала утром, думая, что это доспех. Сейчас она казалась крошечной и бесполезной.

— Я не хочу быть риском, — сказала я твёрдо. — Я просто хочу работать.

Эд смотрел на меня долго — так, будто видел не только меня, но и все мои «просто хочу», которые рассыпались в этом коридоре.

— Тогда тебе придётся научиться не хотеть слишком многого, — тихо сказал он. — Или слишком мало.

Тут в кармане завибрировал телефон. Я схватила его, как точку опоры. На экране — сообщение от Сары:

«Ты где? Лифт не приехал на 12-й. Я думала, ты застряла».

Я подняла глаза на Эда.

— Меня ждут, — сказала я, и голос вдруг стал твёрдым. — Я должна быть на своём этаже.

Он приподнял бровь, будто оценивал не слова, а силу, которая за ними стояла.

— Хорошо, — кивнул он. — Сегодня ты вернёшься. Но помни: лифт помнит, где ты была. И он запомнит, куда ты хочешь попасть.

Я развернулась и пошла по коридору, стараясь не бежать, но шаги всё равно выходили слишком быстрыми. В конце коридора нашлась дверь с табличкой «Аварийный выход» — я рванула её на себя.

За дверью была лестница. Обычная, бетонная, с запахом

сырости и краски. Ступеньки были скользкими — по ним редко ходили. Я сбежала вниз, перепрыгивая через ступеньки, и вылетела на свой этаж — там, где всё было привычно и правильно.

Сара стояла у лифта и хмурилась, глядя на табло. Увидев меня, она разгладилась.

— Вот ты где! — выдохнула она. — Я уже хотела объявлять поиски.

— Застряла между этажами, — сказала я, стараясь звучать обычно. — Лифт странно себя вёл.

Сара посмотрела на меня внимательно, будто видела что-то, чего я не хотела показывать.

— Странно — это мягко сказано, — пробормотала она. — Тут иногда лифты... путаются. Главное — не позволяй им увезти тебя туда, куда ты не собиралась.

Я кивнула, хотя не поняла, что она имеет в виду. Или поняла, но не хотела признавать.

— Пойдём, — Сара подхватила меня под руку. — У нас совещание через двадцать минут. И, честно говоря, я рада, что ты здесь. С тобой как-то... спокойнее.

Мы шли по коридору мимо столов и дверей, мимо людей, которые кивали и улыбались, будто ничего не происходило. И я вдруг поняла: если расскажу хоть кому-то про этаж В и про Эда, на меня посмотрят так, будто я сошла с ума. Или так, будто все всё знают, но молчат. Поэтому я не сказала ничего.

У самой двери переговорной я заметила странность: в табличке «Переговорная 3В» буква «В» стояла темнее остальных, будто её вписали позже, другим шрифтом.

Я моргнула — и она стала такой же, как все.

Сама переговорная оказалась тесной — так, чтобы люди не расслаблялись. Стол был слишком длинным для этого пространства, стулья слишком жёсткими, а воздух слишком неподвижным — вентиляция здесь работала не на циркуляцию, а на удержание.

Сара села рядом и шепнула, пока остальные рассаживались:

— Если Ричард будет давить на «срочность» — не подписывай ничего сразу. Даже если это просто «подтверждение ознакомления». Сначала прочитай. Дважды.

Я покосилась на неё.

— Это обычный офисный совет? Или...

Она замерла, будто прислушивалась не ко мне, а к чему-то в комнате.

— Тут срочность часто бывает ловушкой. А ловушки любят, когда ты торопишься.

Фраза прозвучала так, будто она говорила не про дедлайны. Но я не стала уточнять: стоит начать задавать вопросы — и придётся признать, что я уже не верю, что это обычный офис.

Ричард сел во главе стола и положил ладони на столешницу, будто проверял, на месте ли она.

— Начнём. У нас сдвиг по балансу на 0,7 пункта. Это не катастрофа, но и не погрешность. Это сигнал.

Кто-то из аналитиков начал было объяснять про «аномальные колебания трафика», но Ричард остановил его одним движением пальца.

— Не трафик. Система. Что-то внутри неё шевелится. И я хочу знать, что именно.

В этот момент проектор щёлкнул, и на экране вместо слайда появился пустой белый фон. А на нём, ровно по центру, — одна строчка чёрным шрифтом:

«Точка неопределённости: актив № 142. Калибровка в процессе».

На секунду в комнате стало тихо. Потом Ник кашлянул, будто хотел сказать «опять техника барахлит», — но не сказал. Сара незаметно для остальных сжала мою ладонь под столом.

Ричард смотрел на экран так, будто видел не буквы, а то, что за ними.

— Отключить, — сказал он ровно. — И проверить источник сигнала.

Парень из техподдержки щёлкал мышкой, дёргал кабель — надпись не исчезала. Она просто висела там, спокойная и холодная, как факт, который не собирается прятаться.

— Источник не определяется, — пробормотал он. — Это не наш файл. Это... будто поверх.

Ричард медленно кивнул, будто услышал именно то, чего

ждал.

— Значит, поверх. Хорошо. Продолжим без экрана.

И они продолжили. Будто ничего не случилось. Будто надпись была просто ещё одним пунктом повестки, который все решили не выносить вслух.

Я сидела и чувствовала, как холод, пришедший со мной с этажа В, нашёл себе место — где-то в животе, тяжёлый и внимательный, как взгляд, которого я не видела. Пальцы леденели; когда я потянулась к карману за маминой ручкой, та выскользнула из рук. Раньше ручка пахла домом и бумагой. Сейчас от неё пахло только холодом металла. Я опустила ладонь на пуговицу пиджака, но даже она казалась теперь не тёплой, а просто твёрдой — и бесполезной.

И всё это время я ждала, что Ричард скажет обещанное «завтра поговорим». Это «завтра» наступило — а он говорил только про сигнал, про систему, про источник. Про меня — ни слова. И от этого молчания холод внутри становился гуще.

Когда совещание закончилось, я встала слишком резко, и стул грохнул о пол. Сара тут же оказалась рядом и сунула мне в руку ещё одну чашку кофе — горячую, обжигающую, настоящую.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Тебе нужен воздух. Даже если он тут тоже какой-то неправильный.

Мы вышли в коридор. Там было светлее и шумнее: кто-то смеялся, кто-то кричал «мне нужен этот отчёт ещё вче-

ра», принтер в углу выстукивал свою бесконечную очередь. Обычная офисная суета, которая должна была успокаивать, но сейчас звучала слишком громко — будто кто-то поднял громкость мира на пару делений.

— Ты видела эту надпись? — спросила я, когда мы отошли от дверей.

Сара не стала делать вид, что не поняла.

— Видела. И не в первый раз. Тут иногда система... высовывается. Главное — не позволяй ей затащить тебя в свой язык. Пока ты думаешь «это просто техника», ты в безопасности. Как только начнёшь верить, что это про тебя, — они получают зацепку.

— Кто «они»? — прошептала я.

Сара смотрела на меня секунд тридцать, будто решала, сколько можно сказать.

— Те, кто следит за балансом. Те, кто его считает. Они любят, когда ты называешь вещи своими именами. Поэтому лучше говори «технический сбой» и «странное совпадение». Пусть это будет твоей бронёй, пока ты не сможешь надеть настоящую.

Я хотела спросить ещё, но тут мимо прошёл Эд. Не спеша, ровно, будто он был частью этого коридора, а не гостем. Он не остановился, не взглянул прямо на меня, но, проходя, замедлил шаг — и в тот миг, когда он поравнялся со мной, холод стал почти невыносимым, будто к спине приложили кусок льда.

Как только он свернул за угол, холод отступил. Но не ушёл — просто стал тише. Как будто ждал.

— Он... он как-то связан с этим? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Сара вздохнула — устала говорить намёками. Или от того, что я задаю слишком много вопросов, на которые мне не стоит знать ответы.

— Эд — один из тех, кто держит систему в равновесии. Он не плохой. И не хороший. Он просто на своём месте. И если он обратил на тебя внимание, значит, система тоже смотрит.

Я сжала чашку так, что пальцы побелели. Горячий кофе обжёг кожу, но этот ожог был хорошим: понятным, обычным, человеческим.

— Я просто хочу работать, — тихо выдохнула я.

Сара наклонилась ближе и сказала так, чтобы слышала только я:

— Тогда делай обычные вещи. Пей кофе. Разбирай папки. Улыбайся Нику. Пусть это будет твоим прикрытием. Пока ты делаешь обычные вещи, они не могут схватить тебя за горло. Они могут только наблюдать.

Вернувшись за стол, я открыла папку с документами, которую мне дали на ознакомление. Страницы ровные, бумага обычная, текст скучный: пункты, подпункты, формулировки, от которых хотелось зевать. Я листала, стараясь думать только о словах. Не о буквах. Не о тенях. Не о холоде.

Вдруг я заметила, что одна и та же фраза повторяется в разных местах документа: «соблюдение нейтрального статуса». Она не выглядела ошибкой вёрстки — скорее навязчивым напоминанием, будто кто-то специально вставлял её туда, где она вообще не нужна. И каждый раз, когда я натякалась на эти слова, холод внутри шевелился.

Руки задрожали, и я быстро захлопнула папку — будто могла спрятать это повторение. Но оно уже было прочитано. И теперь жило не на бумаге, а у меня в голове.

Ник подошёл и поставил рядом маленькую шоколадку — ту самую, из «стратегического запаса».

— Держи. После совещаний у нас все немного... не здесь. Это помогает вернуться.

— Спасибо, — сказала я, и голос прозвучал твёрже, чем я себя чувствовала внутри.

Он посмотрел на меня внимательно, потом на папку, которую я так крепко прижимала к себе, будто она могла улететь.

— Если что-то пугает — не держи это в себе. Даже если кажется, что ты сходишь с ума. Тут... иногда вещи не такие, какими выглядят.

Я кивнула, не зная, что сказать. И вдруг поняла: я не хочу, чтобы он знал. Не потому что не доверяю, а потому что скажу хоть слово — и это станет настоящим. А пока я молчу, всё ещё можно списать на усталость, на стресс, на слишком крепкий кофе, на новое место, в котором первое время всё

кажется непонятным.

День тянулся, как резинка: растягивался, но не рвался. Были ещё папки, ещё письма, ещё разговоры ни о чём, которые должны были напоминать, что мир нормальный. И каждый раз, когда я начинала в это верить, что-то щёлкало на краю зрения: тень ложилась не туда, слово звучало дважды, буква «В» в названии файла казалась темнее остальных.

К вечеру я собрала вещи и пошла к выходу — и у самой двери столкнулась взглядом с Сарой. Она улыбнулась, но в улыбке было не только тепло. В ней была просьба: держись.

— Завтра будет легче, — сказала она, будто знала, что мне нужно это услышать.

— Или я просто привыкну, — ответила я, и это была не бравада, а попытка найти опору.

Она посмотрела так, будто хотела что-то добавить, но сдержалась.

— Привыкать не надо, — тихо сказала она. — Надо учиться видеть. И учиться не позволять этому увидеть тебя первой.

Я вышла на улицу, и вечерний воздух ударил в лицо — свежий, настоящий, без озона и без тяжёлой тишины. Автобус ехал как положено, светофор щёлкал вовремя, и на секунду мне показалось, что всё позади.

Пока автобус нёс меня домой, в памяти вдруг поднялся вчерашний вечер. Тот самый, в машине.

Эд довёз меня до самого подъезда. Разговор вышел корот-

ким и тихим — таким, какие не случаются с чужими людьми. Он не задавал вопросов. Просто говорил, глядя на дорогу: «Иногда достаточно просто быть. Некоторые люди — как маяки. Не потому что светят нарочно, а потому что так устроены». А у самого подъезда добавил, уже не отворачиваясь. «И не думай, что объявление в газете было случайностью. Система заметила тебя задолго до того, как ты заметила её». Дома мама спросила, как прошёл первый день, — и я сказала «нормально». Это была первая ложь, которая прозвучала легко.

Тогда, в машине, я думала, что «маяки» — это метафора. Сейчас мне казалось, что это инструкция. И я не знала, как её отключить.

Я села у окна и прижала ладонь к стеклу. На нём остался не тёплый след, а лёгкий иней. Тонкий, едва заметный, как дыхание зимы.

Я смотрела на него и понимала: холод пришёл со мной.

И он не собирался уходить.

Глава четвёртая. Подтверждение статуса

Я проснулась резко — так дёргают за невидимую нитку. В комнате было темно; тонкая полоска света из коридора рисовала на полу прямоугольник, похожий на открытую дверь. Сердце колотилось, как после бега, а не сна.

Сон ещё цеплялся за меня, как мокрый плащ: я снова стояла посреди переговорной, только там не было ни стола, ни стульев, ни людей — одни белые стены и пустота, в которой

кружились буквы. Они летали, как снежинки, но не таяли: В, В, В... Потом из пустоты выплыла строчка, та самая, с совещания: «Точка неопределённости: актив № 142. Калибровка в процессе». А под ней появилась новая — неровная, дрожащая, с чужим почерком: «Требуется подтверждение статуса».

Голос — не чей-то конкретный, а сразу все голоса офиса вместе — прошептал: «Подпиши. Просто поставь подпись, и всё станет обычным».

Я потянулась к невидимой ручке, пальцы почувствовали её холод — и поняла: если подпишу, я больше никогда не смогу сказать «я просто хочу работать». Рука отдёрнулась сама. Я закричала.

И проснулась.

В комнате пахло ванилью и старым деревом — мамиными духами и книжным шкафом. Всё было на местах: стопка тетрадей на тумбочке, кружка с отколотым краем, фотография с выпускного, где я улыбаюсь слишком широко, как человек, который убеждает себя, что всё хорошо.

Я села, подтянула колени к груди и уткнулась лбом в одеяло. Руки дрожали, но это была уже не ледяная дрожь этажа В — обычная человеческая дрожь после плохого сна. От такой можно согреться.

— Ты кричала, — мама тихо стояла в дверях, в том же халате, что и вчера, как будто и не ложилась. — Опять про офис?

Я хотела привычно отмахнуться: «Просто сон, ничего особенного». Но слова застряли. Вместо этого я кивнула.

— Там всё такое... белое, — прошептала я. — Буквы кружатся. Просят подписать что-то. А ещё там была фраза: «Точка неопределённости».

Слова вышли сами — сон приоткрыл дверь, которую я весь день держала на замке. Я сказала больше, чем собиралась. И впервые мне не захотелось забирать слова назад.

Мама не сказала «это ерунда». Она нахмурилась, как услышавшая не сон, а термин, который надо разобрать. Подошла, села на край кровати и положила ладонь мне на спину — тёплую, тяжёлую, настоящую.

— «Точка неопределённости»... — повторила она медленно, словно пробуя фразу на вкус. — Звучит как то, чем удобно прикрыться, чтобы ничего не объяснять. «Мы не виноваты, это точка неопределённости». Так любят говорить там, где не хотят брать ответственность.

— То есть это просто отмазка?

Мама усмехнулась — и в усмешке было столько знакомой офисной горечи, что я поняла: она тоже когда-то сидела в переговорах и слушала эти слова.

— Не всегда. Иногда это правда. Но чаще — способ заставить тебя чувствовать себя проблемой, которую надо «починить». А ты не проблема, Анджелика. Ты человек, которому пока непонятно, куда он попал. И это нормально.

Я уткнулась носом в подушку, чтобы не расплакаться. По-

том встала и пошла собираться.

Из ванной я вышла, когда капли ещё стекали по зеркалу, складываясь в случайные узоры. На секунду мне показалось, что среди них проступает буква В. Я моргнула — и она растворилась в воде.

«Просто капли», — сказала я себе вслух, проверяя, работает ли обычный язык.

На кухне мама уже поставила передо мной кружку с какао. Пар поднимался ровными кольцами, и мир старательно изображал нормальность. Я обхватила кружку ладонями и чувствовала, как тепло ползёт по пальцам, вытесняя остатки ледяного сна.

Телефон на столе тихо звякнул. Сообщение от Сары:

«Сегодня не ходи в переговорную 3В. Ричард переносит разбор в 12А. И не нажимай В в лифте. Даже если он будет мигать».

Я замерла. Сон и реальность наложились друг на друга, как два прозрачных листа: буквы кружились в голове, а на экране Сара писала о них так, будто знала их наизусть.

«Она просто осторожная, — подумала я. — Она всегда осторожная».

Я застегнула верхнюю пуговицу на пиджаке — привычное движение, которое помогало собраться.

«Сегодня обычный день, — сказала я зеркалу. — Просто обычный день».

И вышла за дверь.

Автобус ехал ровно, без рывков, стараясь никого не потревожить. Я смотрела в окно: серые фасады, яркие вывески, женщина с огромной сумкой, которая, казалось, была тяжелее её самой, мальчишка на самокате, выписывавший зигзаги посреди тротуара. Всё такое обычное. Такое живое. Я думала о вчерашней машине, о ровном голосе, который говорил о маяках, — и о слове «подпись», которое теперь звучало не из сна, а из самой жизни.

В кофейне у офиса очередь была привычной: трое передо мной, бариста кивает, как знакомому. Я заказала свой обычный латте — и вдруг поймала себя на том, что произношу это спокойно, без дрожи в голосе.

— С собой? — спросил бариста, привычно щёлкая кнопками.

— Да, пожалуйста. И один круассан.

Он приподнял бровь:

— Вчера только кофе.

Я пожала плечами, чувствуя, как внутри что-то отпускает:

— Сегодня захотелось чего-то нового. Чтобы было вкусно и просто.

Бариста улыбнулся, будто понял без слов:

— Тогда возьму тот, что с самого края. Он самый румяный.

На улице я откусила кусочек: хрустящая корочка, тёплое масло внутри. И на секунду весь мир сузился до этого вкуса, до запаха кофе, до прохладного ветра, забравшегося под

воротник.

Офис встретил меня привычным шумом: кто-то смеялся у кулера, принтер в углу выстукивал свою бесконечную очередь. Ник сидел на краю моего стола и смотрел на экран так, будто пытался силой мысли заставить отчёт загрузиться быстрее.

Увидев меня, он поднял глаза, и лицо у него сразу стало другим — не деловым, не настороженным, а просто радостным.

— О, ты с едой! — воскликнул он так, словно это и было главное событие дня. — Решила сломать систему? У нас тут все на кофе и стрессе держатся, а ты — с круассаном.

— Держи, — я протянула ему половину. — Пусть система привыкает.

Ник взял кусочек, прищурился, как проверял, не заколдован ли он:

— Ты знаешь, что это почти бунт?

— Пусть будет тихий бунт.

Мы стояли у окна, ели круассан, пили кофе, и Ник рассказывал, как Сара вчера пыталась объяснить принтеру, что «срочно» не значит «печатать вверх ногами». Я смеялась — и смех получался настоящим, без усилия.

Сара подошла незаметно, забрала у Ника последний кусочек и сделала вид, что не понимает, почему на неё смотрят.

— Что? — пожала она плечами. — Стратегический запас. Я имею право.

Потом она повернулась ко мне — внимательно, но без тревоги, по-дружески:

— Ну, как ты? После вчерашнего... ну, после лифта и всего остального.

Я хотела сказать «всё нормально», но остановилась. В тот вечер у подъезда, когда я села в машину Эда, я впервые со-
врала маме. Сегодня хотя бы не вру себе.

— Решила сделать день простым, — ответила я. — Это помогло отвлечься.

Сара улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что холод, который всё ещё прятался под кожей, съёжился и за-
тих.

— Хороший план, — сказала она. — Иногда самое силь-
ное оружие — это обычный день.

— Вы слишком серьёзно относитесь к круассану, —
фыркнул Ник.

— А ты попробуй прожить без него неделю в этом офисе,
— парировала Сара, и мы снова рассмеялись.

Я села за свой стол и подвинула клавиатуру — простым движением, будто возвращала себе контроль. Монитор моргнул и высветил утреннее письмо от Ричарда: короткое, без приветствия. «Сводка по линии 4В. К одиннадцати».

Ник никуда не делся — сидел рядом и делал вид, что просто так тут засел. Но я знала: он ждёт, когда я снова начну сомневаться, чтобы вовремя подбросить нужную фразу.

— Только не удаляй всё и не начинай заново, — предуп-

предил он, читая мысли. — У тебя уже есть структура. Просто добавь к ней веса.

— Веса из цифр, — кивнула я, открывая таблицу с логамми.

— Именно. Цифры — это броня. Их не оспоришь.

Я пробежалась по строкам. Скучные, сухие, идеальные: ID сессий, время обработки, коды ошибок. Никакой мистики, никакого шёпота из пустоты — просто данные. И от этого они казались почти спасительными.

Сара встала за моей спиной и опёрлась о спинку стула. Смотрела она не на экран, а на меня — проверяла, не дрожат ли у меня пальцы.

— Сначала две фразы, — напомнила она спокойно. — То, что Ричард должен увидеть первым. Остальное потом.

Я вздохнула — не от усталости, а чтобы сбросить лишнее напряжение — и посмотрела на пустой заголовок. Раньше мне всегда хотелось написать что-то умное, сложное, такое, чтобы сразу было видно: я всё понимаю про систему. Сейчас я поняла: умное — это не про сложность. Умное — про ясность.

И я напечатала:

«Нагрузка на линию 4В выросла на 17% за месяц, основной рост пришёлся на вторую неделю. Рост коррелирует с автоматической корректировкой маршрутизации, зафиксированной в логах за тот же период».

Прочитала вслух. Просто. Чётко. Без лишних слов.

— Вот, — хмыкнул Ник. — Теперь это звучит так, будто ты не просишь разрешения, а сообщаем факт.

— Это и есть факт, — сказала я твёрже, чем раньше.

Дальше я расставляла таймкоды, копировала выдержки из логов, добавляла короткие пояснения: «задержка 2,8 секунды», «ошибка маршрутизации», «автоматическая переадресация без подписи». Каждое предложение я держала на одной мысли: не растекаться, не оправдываться — просто показывать, где и когда система дала сбой.

Сара время от времени кивала, и от каждого кивка чувствовалось: ещё один кирпичик в стене, которую мы строили вокруг меня.

— Вот здесь добавь сноску, — она ткнула пальцем в строчку про перераспределение трафика. — Пусть будет видно, что ты не просто заметила, а проверила.

Я добавила. Потом ещё одну. Потом ещё.

Монитор стал обычным окном в офисную реальность: не на пугающие буквы, не на пустые переговорные — на понятные вещи. Строки, цифры, ячейки, которые можно заполнить, отсортировать, объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.